

Боль была свирепой.

Янь Пин и представить не мог, что возвращение человеческого облика окажется настолько мучительным. Словно с него заживо сдирали шкуру, чтобы тут же грубо нашить другую. Мелкая, грызущая кости боль огненным языком слизывала остатки рассудка.

Пальцы, которыми он упирался в асфальт, побелели от напряжения. Он стиснул челюсти, по лицу стекал холодный пот. Он зажмурился, и в душе его бушевал ураган эмоций.

Ему понадобилось около получаса, чтобы прийти в себя. Но едва отступила боль, как накатил изнуряющий голод — желудок свело яростным спазмом.

Прижав ладонь к животу, Янь Пин уставился на полупрозрачный экран системы, видимый лишь ему одному.

На экране мерцала все та же убогая лачуга. Одно изменилось: раненый больше не лежал ничком. Теперь он повернулся на бок. Лодыжку укрывала темно-зеленая кашица из наспех растертых целебных трав.

Возле кривобокой кровати, на подпертом глиняными кирпичами сундуке, сиротливо стояла выщербленная пиала. На ее доньшке виднелся темный осадок отвара.

«Должно быть, сбивали жар, — мысленно рассудил Янь Пин. — Только снадобье это бесполезно».

Юноша на экране по-прежнему горел в лихорадке, судорожно хмурил брови и в беспамятстве шептал что-то неразборчивое.

Янь Пин бросил взгляд на баланс — всего два очка заслуг. Купить лекарство он бы сумел, но система лишь переправляла предметы, а не создавала их из воздуха. Сначала целебные травы нужно было раздобыть в этом мире, а у него за душой не осталось ни гроша.

Он всматривался в измученное лицо, пока экран не угас. Стерев со лба холодный пот, Янь Пин судорожно вздохнул. Рука, опиравшаяся на стену, мелко дрожала, но он превозмог слабость и поднялся.

Возможно, система транслировала Великую Юн лишь для того, чтобы дать ему повод не сдаваться. И каждый раз в фокусе оказывался Вэнь Цзянь.

Впрочем, иного и быть не могло. Янь Пин никогда не дорожил родственными узами — ни к родителям, ни к братьям он не испытывал тепла. Теперь, когда путь назад закрыт, Вэнь Цзянь оставался единственной нитью, связывавшей его с прошлым. И система это прекрасно понимала.

Очередной приступ голода скрутил желудок. В приоритете сейчас стояли две задачи: раздобыть еды в этом чуждом мире и заработать денег на лекарство.

Золотые лучи солнца наконец доползли до зенита, заливая теплым светом перекрестки улиц, крыши домов, просторные площади и высящуюся в отдалении часовую башню. Город просыпался.

Уличные лавки заманивали первыми ароматами свежих завтраков, школьники с веселым щебетом бежали на занятия, а взрослые спешили к местам своей ежедневной службы.

Мимо Янь Пина проносилась молодежь — яркая, шумная, дышащая беззаботной юностью.

Гость из далекого прошлого невольно замедлил шаг. Глядя на эту мирную суету, он почувствовал глубокое, почти благоговейное уважение к тем безвестным предкам этого мира, чьими трудами был выкован этот покой. Тем, кто давно обратился в прах истории.

Пытаясь удержать его, система без умолку трещала об устройстве здешнего мира и его хрониках. Обрывки тех рассказов благодаря цепкой памяти всплывали в сознании. Янь Пин понимал: нынешнее благоденствие не досталось этой стране даром.

В Великой Юн, где власть государя считалась священной, слепое подчинение вьедалось в кровь с молоком матери. Книжная мудрость веками оставалась привилегией знатных родов, а простые люди даже помыслить не смели о свободе воли. Чтобы сломать этот хребет и построить новый мир, здешним людям пришлось пройти через немыслимые ужасы. Сквозь кровавое месиво и мрак, движимые безумной, непостижимой для обывателя верой, они шли на плаху поколение за поколением, пока наконец не пробили своей головой эту единственную брешь в стене фатума.

Страхнув наваждение, Янь Пин наклонился и подобрал с асфальта прозрачную пластиковую бутылку. Скрутил крышку, сжал бутылку в кулаке, чтобы занимала меньше места, и опустил в мешок. Он шел дальше, внимательно сканируя взглядом обочины и кусты.

Еще будучи кошкой, он заметил, что эти невзрачные сосуды здешние бедняки сдают за деньги. Перед тем как взяться за дело, он даже деликатно поинтересовался у вчерашней старушки, не перейдет ли он ей дорогу.

Как бы сильно он ни нуждался, отбирать чужой хлеб Янь Пин не собирался. Старушка лишь добродушно рассмеялась. Оказалось, сбор пластика для нее давно превратился в безобидное хобби — после сноса старого дома и щедрой компенсации ее семья купила квартиру в этом благополучном квартале. Бутылки она собирала просто по старой привычке, ради легкого мотиона, чтобы развлечься и купить внуку сладостей. Она охотно снабдила Янь Пина мешком и прочитала целую лекцию о том, какие бутылки ценятся выше и где их проще найти.

Солнце поднималось все выше, припекая сквозь поредевшую осеннюю листву. Прохожие то и

дело оглядывались на странного незнакомца.

Мужчина был на редкость высок — под метр девяносто, с безупречной осанкой, широкими плечами и бесконечно длинными ногами. Местные ценительницы мужской красоты мгновенно классифицировали его фигуру как эталонную.

Из-под наспех намотанного на запястье бинта проступали бурые пятна крови. Он шел неторопливо, погруженный в свои мысли. Внезапно перед его лицом зависла пестрая бабочка и на мгновение опустилась на кончик носа.

Янь Пин замер, скосив глаза. Золотистый луч солнца мягко подсветил его лицо, сглаживая хищные, резкие черты.

Встреппенув крылышками, бабочка сорвалась и улетела прочь, словно просто присела передохнуть с дороги. Янь Пин продолжал путь. В его глубоком, холодном взгляде сквозило такое равнодушие, что случайные встречные невольно тушевались и спешили отвести глаза.

Он притягивал взоры, выделяясь среди блеклой толпы, как жирный мазок туши на чистом свитке. Оторваться от него было невозможно.

Вдруг мужчина грациозно наклонился к земле. Порыв ветра сорвал с ветки сухой лист, закружив его у лица незнакомца. Картина казалась сошедшей со страниц исторической драмы: благородный муж склоняется над весенней травой, чтобы поднять оброненный лепесток цветка — изысканно, утонченно, поэтично.

Янь Пин выпрямился. Затаившие дыхание зрители уставились на его ладонь, гадая, какое сокровище он подобрал.

Разглядев предмет, романтически настроенные барышни мигом лишились дара речи, а их лица вытянулись.

Красавец привычным жестом свинтил крышку с грязной пластиковой бутылки из-под газировки, ловко сплющил ее и закинул в полиэтиленовый мешок. Огляделся в поисках новой добычи и невозмутимо двинулся дальше.

«.....»

Очарование испарилось в один миг. Да, черты лица у него были великолепными, но без этого налета загадочности он казался просто красивым парнем — одним из тех, кто штурмует первые ступени шоу-бизнеса, но уступает признанным идолам. Однако его повадка, царственная отстраненность и величие превращали эту обычную смазливость во что-то гипнотическое.

В его точеных чертах не было и тени суеты. Темный, непроницаемый взгляд не выражал ни желаний, ни страстей. Смотреть на него было почти больно.

«Что за злой рок довел этого мужчину до такой нищеты?!» — беззвучно сокрушались прохожие дамы.

«Брось ты эту гадость, иди ко мне, я сама буду тебя содержать!» — кричали их истосковавшиеся по эстетике души.

Безупречные ноги, прямая спина, узкие бедра и тонкие пальцы — весь его облик буквально кричал о благородном происхождении. Как он мог оказаться на улице с мусорным мешком?!

Разорился? Лишился наследства? Другого объяснения этой дичи просто не находилось. Сердца сердобольных девушек обливались кровью.

Янь Пин чувствовал эти взгляды, но ноющая боль в пустом желудке лишала его всякого желания разыгрывать комедию.

Ближе к полудню Янь Пин сдал свою добычу старой знакомой, выручив ровно четыре юаня. С зажатыми в кулаке монетами он перешел дорогу к палатке с выпечкой. Расспросив продавца, он купил за полтора юаня пышный пресный мантоу и устроился на краю каменной клумбы, принимаясь за свой первый обед в этом мире.

Булочка, приготовленная из первосортной пшеничной муки, пахла хлебом и оставляла на языке приятное сладковатое послевкусие.

«Весьма недурно», — мысленно резюмировал Янь Пин.

Когда мантоу был съеден наполовину, на огромном уличном экране через дорогу начался экстренный выпуск новостей.

— Сегодня в одиннадцать часов двадцать одну минуту оперативной группой под руководством капитана Гу из отдела тяжелых преступлений был задержан серийный убийца Чжао, скрывавшийся от правосудия более пяти лет. В его квартире обнаружены многочисленные кости правых кистей жертв, а также орудия преступлений...

Янь Пин отвел взгляд от экрана и вызвал системную панель. Счетчик заслуг показывал десять очков. Похоже, помощь в поимке маньяка принесла ему солидный бонус: все прошлые грехи убийцы конвертировались в его личную добродетель.

Пока он размышлял над этим, до его слуха донеслись тихие голоса. Оглядевшись и никого не обнаружив поблизости, Янь Пин прищурился и посмотрел через дорогу. У парка прогуливались двое молодых людей, увлеченно перемывая косточки только что арестованному

преступнику.

— Слыхал про этого Чжао? Он ведь раньше шеф-поваром работал в Цуньсяне. Сын у него рос — умница, в Облачную обитель сам поступил. А потом полез парня какого-то спасать, и ему правую руку топором перерубили. Тот пацан испугался, удрал, скорую вовремя не вызвали — парень инвалидом остался. — Говоривший вздохнул с сожалением.

— Представь, каково это: вчера все завидовали твоему таланту, а сегодня смотрят как на калеку с жалостью и насмешкой. Мальчишка не выдержал. Он ведь только в университет поступил! Так мало того, семья спасенного им ублюдка, испугавшись расходов на лечение, грязью его облила в прессе. Вот парень с горя в реку и сиганул.

— М-да, неудивительно, что у отца крыша поехала. Говорят, он эти руки резал, чтобы сыну-мертвецу красивую кисть прирастить.

— Да уж, труп сына до сих пор в морозильнике держит... Жуть ходячая, ну и псих!

«А слух у этого тела отменный», — отметил про себя Янь Пин. Он быстро доел остатки булочки, поднялся и зашагал прочь. Безумие Чжао, начавшееся с болезненной любви к сыну, со временем выродилось в обычную жажду крови и упоение чужой беспомощностью.

Умывшись у питьевого фонтанчика и сделав пару глотков, Янь Пин вернулся к прерванному занятию. Время поджимало — нужно было собрать деньги на лекарство.

В полицейском участке Наньчэн оперативники обступили Чжан Ю, который с жаром расписывал подробности поимки:

— Клянусь, котяра этот — чистая чертовщина! Сам нас до логова довел. Видели полосы на роже у маньяка? Его работа! Чуть без глаз ублюдка не оставил!

— Да ладно свистеть, — фыркнул Юй Фан.

— Чтобы я вам врал?! — Чжан Ю вытаращил глаза, пытаясь отстоять свою репутацию. — Старики дело говорили: черные коты не к добру. Они ведь всякую чертовщину видят, недоступную нашему брату.

— А еще болтают... — Чжан Ю не успел договорить: дверь распахнулась, и в кабинет вошел капитан Гу Янь, только что освободившийся от назойливых репортеров.

— Капитан Гу.

— Капитан Гу.

Сплетники мгновенно подобрались, стараясь придать лицам максимально рабочий вид.

Чжан Ю под тяжелым взглядом командира виновато сжался, прекрасно понимая, что перегнул палку.

Гу Янь одарил его ледяным взглядом и процедил:

— Распространение мракобесия на рабочем месте. К концу смены жду на столе рапорт на двадцать тысяч знаков.

— Есть! Все будет сделано, товарищ капитан! — выдавил Чжан Ю, внутренне проклиная свою болтливость.

Стоило капитану скрыться за дверью, как лицо оперативника исказилось в немой мольбе. Он с тоской воззрился на коллег:

— Братцы! Помогите!

Но товарищи по оружию внезапно обнаружили неотложные государственные дела и с головой ушли в работу, оставив несчастного страдать в одиночестве.

Янь Пин трудился до самого вечера. Когда он обменивал очередную партию пластика на четыре юаня у знакомого старьевщика, у обочины бесшумно затормозил шикарный серебристый автомобиль с обтекаемым силуэтом.

Откинув лишние мысли, Янь Пин лишь мельком глянул на дорогую игрушку и пошел дальше.

Дверь распахнулась, и из салона выскочил молодой человек. Он бросился вдогонку, запыхавшись:

— Брат! Янь Пин!

Янь Пин остановился. Глупо было притворяться глухим — это лишь породило бы лишние подозрения. Он неторопливо обернулся и принялся бесстрастно изучать сиявшего от радости юношу.

Бай Фан подлетел к нему, но, собравшись обнять, внезапно заметил окровавленный бинт на запястье. Улыбка мгновенно сползла с его лица, уступив место панике. Он топтался на месте, не решаясь дотронуться до раны:

— Брат, что с рукой? Откуда кровь?!

Янь Пин, повидавший на своем веку немало людей, сразу понял: парень не притворяется. Его тревога была абсолютно искренней, без фальши и скрытого умысла.

«Любопытно, — отметил про себя Янь Пин. — Согласно словам системы, прежний владелец этого тела усердно копил чужую ненависть и преуспел в этом. Откуда же взялся этот преданный щенок, готовый расшибиться ради него в лепешку?»

— Пустяки, царапина, — спокойно ответил он, скользнув взглядом по роскошному авто. — Поехали домой. Там поговорим.

Он ничего не знал о здешней жизни прежнего Янь Пина, и упускать столь удобный источник информации было бы глупо. К тому же, за день он так и не наскреб нужную сумму на лекарство, а у этого тела наверняка водились сбережения, к которым нужно было получить доступ.

— Конечно! — Бай Фан просиял и услужливо распахнул дверцу машины. Как только Янь Пин устроился на заднем сиденье, юноша плюхнулся рядом, боясь упустить брата из виду.

Когда колеса зашуршали по асфальту, Бай Фан с обидой в голосе пожаловался:

— Брат, ты пропал на полгода! Я телефон оборвал, всюду тебя искал...

Взглянув на его преданную, почти собачью мордашку, Янь Пин небрежно потрепал парня по волосам:

— Не шуми. Дай мне отдохнуть.

— Да-да, конечно, отдыхай! — Бай Фан расплылся в улыбке от этого скупого жеста внимания. Он заботливо достал из багажного отсека плед и набросил на колени старшего брата. Тот не стал возражать, и лицо юноши окончательно просияло.

Янь Пин прикрыл глаза, делая вид, что спит, и мысленно обратился к системе, которая как раз вернулась из очередного вояжа по мирам.

«Хозяин номер три, я слушаю! Чего желаешь?» — отозвался в его голове бодрый механический голосок. Судя по тону, поиски новых подопечных продвигались успешно.

«Мне нужны воспоминания прежнего владельца об этом парне», — мысленно запросил Янь Пин.

«Без проблем! Но это обойдется в четыре очка заслуг~», — прошептала система.

«Разве очки заслуг собираются не для богов Великой Юн? С каких пор они стали разменной монетой?» — прищурился он.

«О, истинные заслуги сразу отправляются наверх! А эти очки — лишь щедрая премия для тебя, которую можно тратить в системном магазине. Ну и нам, проводникам, тоже полагается скромная комиссия!»

«Понятно, — хладнокровно резюмировал Янь Пин. — Даю одно очко заслуг за память об этом человеке».

Система опешила от такой наглости. Подобной жесткой торговли она не ожидала: «Эй! Это слишком дешево! Давай хотя бы три очка заслуг!»

«Одно», — повторил он непреклонно.

«Но...»

«Одно».

«Ладно, давай два! Меньше никак нельзя!» — взмолился путеводитель, пытаясь сторговаться на компромиссе.

«Одно».

«Да как так-то?!»

Старшие коллеги уверяли систему, что подопечные редко спорят из-за тарифов, ведь очки заслуг даются даром за добрые дела. Коллеги советовали наживаться на мелких услугах вроде разблокировки памяти. Но этот древний вельможа ломал все правила торговли!

«Одно очко заслуг, — отрезал Янь Пин. — Либо сделка отменяется».

В конце концов, знание биографии Бай Фана облегчало жизнь, но не являлось жизненно важным.

«Хорошо... пусть будет одно», — обиженно пропищал голосок.

На полпути Янь Пин скомандовал водителю остановиться у вывески круглосуточной аптеки. Повернувшись к взволнованному Бай Фану, он попросил:

— Купи мне что-нибудь противовоспалительное и жаропонижающее.

Бай Фан, весь рейс сидевший как на иголках из страха, что брат снова сбежит, облегченно выдохнул, но тут же переполошился:

— Жаропонижающее? Брат, ты заболел? У тебя жар?!

Он потянулся ладонью к его лбу, чтобы проверить температуру, но Янь Пин мягко перехватил его руку:

— Иди. И поживее.

— Я мигом! — Бай Фан выскочил из салона и припустил к дверям аптеки.

Янь Пин провожал его взглядом, погрузившись в считанные секунды усвоенные воспоминания.

Двадцать лет назад столицу потрясла новость: у влиятельного семейства Бай похитили двухлетнего сына. Поиски велись невиданные, сирены патрульных машин не умолкали трое суток, но ребенка словно след простыл.

Настоящим похищенным наследником был как раз прежний Янь Пин. Но, обладая системой, он легко подстроил так, чтобы законное место в элитной семье занял его сводный брат — Бай Фан. Это стало его прощальным даром названному брату.

Для остального мира оригинальный Янь Пин был законченным мерзавцем, жестоким циником, которого все ненавидели и желали ему скорейшей кончины. И лишь Бай Фан боготворил его, считая самым благородным человеком на свете.

Если обычные люди учатся сдерживать своих внутренних демонов, то в сумасшедшем семействе Янь детей воспитывали в атмосфере изощренной жестокости. И если бы не редкое, почти случайное покровительство старшего брата, Бай Фан давно бы сгнил в этом болоте или превратился в такое же чудовище.

Возможно, видя эту чистую, искреннюю преданность, прежний Янь Пин расщедрился на последний акт милосердия и отдал брату свою законную судьбу. Об этой подмене не знал никто в мире.

Янь Пин смотрел на Бай Фана, который уже бежал обратно, бережно прижимая к груди аптечный пакет и глупо улыбаясь.

Возвращаться в лоно чужого столичного семейства он не планировал, а значит, и раскрывать правду не имело смысла.

— Брат, я еще и теплой воды раздобыл! Давай выпей лекарство, сразу полегчает, — Бай Фан

принялся шуршать блистерами, но Янь Пин остановил его руку.

— Не сейчас.

— А, ну да, от таблеток клонит в сон, лучше дома принять, — понимающе закивал юноша и велел водителю прибавить газу.

Машина мчалась по широкому шоссе мимо зеркальных небоскребов, дробивших закатное солнце на тысячи бликов. Миновав несколько развязок, они въехали на территорию элитного жилого комплекса.

Янь Пин вышел из салона, запрокинул голову и окинул взглядом высотку. Затем негромко произнес:

— Отвези меня обратно. В мою квартиру.

Этот жилой квартал в Облачном городе славился своей безопасностью. До разорения семьи Янь прежний владелец тела держал здесь три квартиры, но теперь от былой роскоши не осталось и следа.

Врагов у него хватало, и затеряться в трущобах было самым разумным решением. Бай Фан понимал это, а потому тайно приобрел для брата новое жилье в этом охраняемом месте.

Но прежний Янь Пин никогда бы не принял этот подарок. Не собирался принимать его и нынешний.

Радостное ожидание на лице Бай Фана сменилось горьким разочарованием. Он ухватился за рукав Янь Пина и жалобно заныл:

— Ну почему нельзя остаться здесь? Брат, я видел, где ты сейчас обитаешь... Это же просто конура! У меня сердце кровью обливается.

— Главное, что у меня оно не обливается, — отрезал Янь Пин, разворачиваясь к машине.

Благодаря памяти Бай Фана он теперь отлично знал, как пользоваться бытовой техникой, где находится его нынешнее пристанище и как работает мобильная связь. Этого было более чем достаточно.

Бай Фан плелся следом, удрученно ворча:

— Ну и характер у тебя, братец. Все нормальные люди тянутся к лучшему, а ты...

Янь Пин молча сел в машину, проигнорировав его жалобы.

<http://bllate.org/book/18369/1768512>